
ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

УДК 321.1

В. А. Тишков

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В РОССИИ

Я приветствую участников очередного пермского Форума национального единства, а также участников проводимого в рамках Форума круглого стола и научно-практической конференции. В данном докладе я намерен с позиций современной науки внести некоторую ясность в нынешние острые дебаты по поводу языковой политики в нашем Отечестве.

Первое, о чем здесь следует сказать: не все ясно с самим понятием – что есть родной язык. Ведь в мире насчитывается около семи тысяч разных языков. Жители России, согласно последней переписи населения, указали на знание более двухсот языков. По мнению ряда этнологов и лингвистов, – языки не умирают в массовом порядке. Некоторые из них уходят из употребления, уступая место языкам, на которых говорит большее число людей и которые преобладают по численности в том или ином обществе или государстве.

Разумеется, могучий и развитый язык чрезвычайно важен для современных государств, для политических наций. Ибо крайне желательно, чтобы сограждане могли общаться между собой, ощущать через этот общий язык свою общность. А также желательно, чтобы государственные законы и инструкции (в том числе, и военные приказы!) пребывали на одном, едином и понятном для всех граждан языке. Поэтому не случайно то, что фактически во всех странах один или несколько языков объявляются государственными или официальными языками (в этом я особого различия не вижу). Такие языки получают поддержку со стороны государства, их изучение гарантируется законом и является обязательным для всех обучающихся.

В России таким является русский язык. Им владеют 99,4 % жителей всей нашей страны, судя по переписи 2010 года. Это действительно уникальная ситуация, когда такая огромная страна, при таком этническом, конфессиональном и региональном многообразии обладает языком, который понимают все. Как известно, далеко не все страны столь значительного размера и столь сложного состава обладают таким же

преимуществом. Или же в них (в частности в Индии) элита говорит, например, только на английском языке.

Русский – это не просто государственный язык. Он является *родным* языком громадного большинства россиян. Родным, во-первых, для самой большой этнической общности и самого большого народа – для русских, которые исторически являются носителями этого языка. Во-вторых, русский язык является родным и для доброй половины (если не больше!) представителей нерусских национальностей в России. При этом я имею в виду постоянное население нашей страны, прежде всего ее сограждан.

Здесь мы выходим на очень интересные и сложные научные проблемы, которые, может быть, не всеми воспринимаются одинаково. Как я уже сказал, русский язык является *родным* для громадного большинства всех россиян. Если строго следовать науке, то родной язык – это не обязательно только язык твоей этнической принадлежности, как правило, являющийся первым и основным языком знания и общения представителей той или иной национальности. Родной язык иногда называют материнским языком, то есть первым выученным в детстве языком, знание которого обычно сохраняется до конца жизни. Если исходить из этого положения, тогда ясно, что русский язык – это основной язык знания и общения, а также и первый выученный в детстве язык для большинства представителей нерусских народов России.

Если мы придерживаемся той позиции, что русский является родным языком для доброй половины нерусского населения нашей страны, то исходим из того факта, что исторически уже в Российской империи, а потом и в СССР русский язык обладал несравненно большими преимуществами, нежели иной рядовой язык, который человеку дается по жизни. *Русский язык принадлежит к числу пяти самых влиятельных в мире языков*. Он вошел в это сообщество не столько в силу численности своих носителей, сколько в силу его мощного воздействия на духовную мировую культуру, благодаря тем выдающимся ценностям, которые созданы на этом языке. Достаточно, на мой взгляд, лишь назвать имена Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и других наших великих писателей, чтобы понять, что русский язык действительно составляет ценнейшее и неотъемлемое достояние мировой духовной культуры.

Есть еще вторая проблема, о которой мне тоже необходимо сказать. Это *право на выбор языка*. Иначе говоря, право на личную языковую жизненную стратегию. Как правило, молодые люди или их родители (если речь идет о детях) выбирают для себя язык наибольших жизненных возможностей (таковой иногда называют «язык-кормилец»). Поэтому в наше время, – поскольку мы или же наши родители, или даже наши предки, которые несколько поколений тому назад сделали выбор в пользу русского языка (особенно, если этот выбор добровольный, а не насильственный), – этот выбор нужно уважать. Этот выбор необходимо также признавать. А тем самым считать, что всем россиянам, избравшим его, – русский язык является родным. В том числе, например, для бурята и для калмыка, для мордвина и для татарина,

Есть и третья проблема, которую я бы хотел вынести на обсуждение. Кто сказал, что у человека может быть только один родной язык? А почему не два? Если я

родился в смешанной семье и в равной мере владею и знаю, например, русский язык отца и украинский язык матери, – то почему же я не могу считать родными оба эти языка? То же самое – если мать у меня кабардинка, а отец русский, и я одинаково владею кабардинским и русским языками. В нашей стране имеется масса людей, которые являются свободными двуязычными. Но таковых, подчас, заставляют однозначно следовать установке: «нет, не оба языка, но именно один из них, вот таковой и является твоим родным языком». Как раз от такой нелепой установки рожден термин «неродной язык». Нелепость эта особо очевидна в нередких случаях, когда для бурята, например, русский фактически является единственным языком, который он знает и которым он повседневно пользуется. И этот его единственный язык следует ли признать «неродным»? Это полнейшая несуразность!

Как видим, понятие родного/неродного языка гораздо более сложное, нежели существует в отечественной архаичной установке. Однако над нами порою господствуют довольно отсталые взгляды и подходы. Таким вот образом в сложную сферу языковой политики вносятся ненужные дебаты и напряженности.

Применительно к языку, употребляемому в том или ином сообществе или же в той или иной стране, мы обычно прилагаем одно из ряда соответственных тому определений: «родной», «особо влиятельный», «основной», «официальный», «доминирующий», «государственный». Однако стран-то у нас в мире всего двести, и лишь в очень немногих из них бытуют несколько языков с официальным статусом. Напомню, в мире существует семь тысяч языков. Следовательно, тысячи и тысячи из них таким официальным статусом не обладают. По моему глубокому убеждению, при этом не следует таковые именовать языками миноритарными или же языками меньшинств. Ведь для их носителей таковые языки не менее важны, чем языки статусные. Важны для сохранения их идентичности, для сохранения своей культуры и для отчетливого ощущения принадлежности к той или иной национальности.

Примем во внимание, что полиэтничное государство и налогоплательщики, как правило, не могут предоставить всем равным по Конституции представителям разных этнических общностей равные же условия для изучения и преподавания всего множества существующих в стране языков. Тем более не в состоянии обеспечить серьезное и полноценное обучение всем языкам: таковое принципиально не реалистично и, к тому же, невероятно дорого. Поэтому иногда складывается некая иерархия языков. Отсюда понятно, почему мы, как и некоторые иные полиэтничные страны, не ратифицировали европейскую хартию о региональных языках – языках малых народов.

Тем не менее у нас есть очень важные достижения в языковой политике, соответствующие европейской хартии. Так, в регионах, где тот или иной нерусский язык является одним из основных языков здесь проживающего населения и связан с той или иной этнической общностью, – этот язык на уровне региона обретает официальный статус. В республиках Российской Федерации он становится, помимо русского, вторым государственным языком. К настоящему времени в наших двадцати двух республиках существуют несколько десятков региональных языков с

официальным статусом. Таковых по одному языку, как, скажем, в Башкирии, Татарстане или в Чувашии. Два таких языка наличествуют в Кабардино-Балкарии, четыре – в Карачаево-Черкесии. В Дагестане четырнадцать региональных языков получили официальный статус.

Получение региональными языками официального статуса – очень важная гарантия того, что обеспечивается их изучение. На них организуется преподавание, хотя бы в начальной школе. Эти языки пользуются уважением, поддержкой и в системе высшего образования. Так, в некоторых вузах есть специальные филологические факультеты, либо факультеты национальной литературы, либо же отделения фольклорно-устного и народного творчества.

Как видим, это очень важная сфера нашей языковой жизни. Конечно, каждая национальность в нашем государстве (в том числе так называемые титульные нации в республиках) – особенно ее лидеры, политики и активисты сохранения этнической культуры – заинтересована в том, чтобы их национальный язык был наравне с русским языком так же обязательным для изучения всем населением, проживающим на данной территории.

Почему и что за этой заинтересованностью стоит? Может быть, опасение того, что язык нации иначе может вымирать. Или же это связано с определенным статусом тех, кто знает этот язык, потому что именно они и только они могут занимать определенные должности в том или ином регионе нашей страны. В этой сфере языковой жизни действуют и довольно сложные мотивы. С ними тоже следует разбираться, их нужно обсуждать и их нужно понимать. В языковой политике недопустимы весьма резкие движения. Эта сфера к тому же связана и с системой этнонационального образования. И если (что бывает нередко и в «национальных школах») уже в начале учебного года вдруг вносятся перемены в школьную программу или в учебный процесс, то страдают учителя и ученики, возникают ненужные напряжения и в межнациональных отношениях.

Упомянутая заинтересованность (особенно в 1990-е годы) вылилась в некоторую крайность, которая была отмечена президентом В. В. Путиным в июле 2017 года на заседании в Йошкар-Оле Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Речь идет об обязательности изучения языка титульной национальности в той или иной российской республике. Например, обязательность живущим в Башкирии русским и татарам изучения башкирского языка является в определенной мере, пусть не прямым, но неким косвенным принуждением, с которым может не согласиться значительное число обучающихся там детей и их родителей. Скажем, в Республике Коми есть северные поселки, где вообще нет представителей ее титульного населения. Здесь обязательное изучение языка Коми жителям поселков представляется нецелесообразным, неудобным. К тому же обучение языку не столь уж увлекательное занятие, которое сильно бы интересовало молодых людей. Согласимся с тем, что изучение языка требует больших усилий. Следовательно, нужно заинтересовать обучающихся людей, они должны знать, какая от этого польза. Может быть, лучше это время потратить на изучение английского языка или французского, а может быть, и

украинского. Потому, может быть, что мои контакты, бизнес, культурные или гуманитарные запросы связаны с носителями другого языка. Так что разных жизненных ситуаций очень много. Потому введенная обязательность изучения регионального языка для всего населения в той или иной республике, на мой взгляд, была определенным перебором. Как-то бывший президент Башкортостана М. Г. Рахимов в частной беседе со мной так и сказал: «Мне кажется, мы немножко с языком перебрали». Я ответил ему: «Да, кажется, так».

Но что важно и, разумеется, целесообразно, так это обучение национальному языку самих представителей титульной национальности в этой республике. Разумеется, учить всех мордвинов, проживающих за пределами своей республики, двум мордовским языкам, или же учить татарскому языку всех же татар, также проживающих за пределами своей республики, – тоже невозможно. Такое трудно себе представить, хотя школы изучения татарского языка есть в Нижнем Новгороде, в Самаре и в других наших регионах. Но то, чтобы татары в Татарстане и башкиры в Башкортостане изучали татарский или башкирский язык соответственно – это не только возможно, но и может быть обязательным.

Кстати, это тоже вопрос непростой. Эту обязательность (даже для самих представителей той или иной национальности) тоже нужно обсуждать и взвешивать, поскольку на этот счет продолжаются дебаты. И все же таковая ситуация представляется менее сложной, более понятной, объяснимой, оправданной и целесообразной. Ведь и на самом деле абсурдно, когда большинство калмыков или бурятов не знают собственного языка. Но повторю: обязательное изучение этих двух языков для всего многоэтнического населения Бурятии и Калмыкии – это абсурдно.

Вот еще одна ситуация, с которой нужно разбираться. Речь идет о некоторых аспектах организации преподавания региональных языков. У меня нет сейчас каких-то готовых рецептов, но считаю, что необходимо резко усилить внимание и подготовку самих преподавателей родных языков, не допускать сокращения численности этих кадров. Эти преподаватели обычно сильно перегружены и часто жалуются на невозможность резко повысить качество преподавания как из-за своей перегрузки, но также из-за часто численной перезагрузки учебных групп. Зачем, например, учить татарскому языку класс численностью в двадцать учеников, если возможно сделать по десять учеников? Так гораздо эффективнее будет обучение и изучение этого языка. Одновременно приостановится сокращение численности преподавателей татарского или другого этнического языка и сохранятся кадры, которые уже задействованы в той или иной республике.

Таковы некоторые мои размышления по языковой политике. Я благодарю вас за внимание.

Дата поступления рукописи в редакцию 30.05.2018